

Триумфальная арка

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.112.2-31
ББК 84 (4Гем)-44
P37

Серия «Зарубежная классика»

Erich Maria Remarque
ARC DE TRIOMPHE

Перевод с немецкого Б. Кремнева, И. Шрайбера

Серийное оформление А. Кудрявцева

Компьютерный дизайн А. Барковской

Печатается с разрешения The Estate of the Late Paulette Remarque и литературных агентств Mohrbooks AG Literary Agency и Synopsis.

Ремарк, Эрих Мария

P37 Триумфальная арка : [роман: перевод с немецкого] / Эрих Мария Ремарк. — Москва: Издательство АСТ, 2016. — 509, [3] с. — (Зарубежная классика).

ISBN 978-5-17-078747-0

Это — красивейший из европейских романов XX века. Роман о любви, войне и смерти.

Это — печальнейший из европейских романов XX века. Роман о женщине, у которой нет ничего, кроме жалких сиюсекундных побед, — и о мужчине, привыкшем к страху, ненависти и безнадежности, как к своему второму «я».

Это — «Триумфальная арка». Роман о страсти, что может и должна завершиться лишь трагедией.

УДК 821.112.2-31
ББК 84 (4Гем)-44

© The Estate of the Late Paulette Remarque, 1945
© Перевод. Б. Кремнев, наследники, 2013
© Перевод. И. Шрайбер, наследники, 2013
© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

I

Женщина шла наискосок через мост прямо на Равика. Она шла быстро, но каким-то нетвердым шагом. Равик заметил ее лишь тогда, когда она оказалась почти рядом. Он увидел бледное лицо с высокими скулами и широко поставленными глазами. Это лицо оцепенело и походило на маску, в тусклом свете фонаря оно казалось безжизненным, а в глазах застыло выражение такой стеклянной пустоты, что Равик невольно насторожился.

Женщина прошла так близко, что едва не задела его. Он протянул руку и схватил ее за локоть. Она пошатнулась и, вероятно, упала бы, если бы он ее не удержал.

Равик крепко сжал руку женщины.

— Куда вы? — спросил он, немного помедлив. Женщина смотрела на него в упор.

— Пустите! — прошептала она.

Равик ничего не ответил. Он по-прежнему крепко держал ее за руку.

— Пустите меня! Что это? — Женщина едва шевелила губами.

Равику казалось, что она даже не видит его. Она смотрела сквозь него, куда-то в пустоту ночи. Просто что-то помешало ей, и она повторяла одно и то же:

— Пустите меня!

Он сразу понял, что она не проститутка и не пьяна. Он слегка разжал пальцы. Она даже не

заметила этого, хотя при желании могла бы легко вырваться.

Равик немного подождал.

— Куда же вы, в самом деле? Ночью, одна, в Париже? — спокойно спросил он еще раз и отпустил ее руку.

Женщина молчала, но с места не сдвинулась. Раз остановившись, она, казалось, уже не могла идти дальше.

Равик прислонился к парапету моста. Он ощутил под руками сырой и пористый камень.

— Уж не туда ли? — Он указал вниз, где, беспокойно поблескивая в сероватой мгле, текла Сена, набегаая на тени моста Альма.

Женщина не ответила.

— Слишком рано, — сказал Равик. — Слишком рано, да и слишком холодно. Ноябрь.

Он достал пачку сигарет, затем нашарил в кармане спички. На картонке их оказалось всего две. Слегка наклонившись, он прикрыл ладонями пламя от легкого ветра с реки.

— Дайте и мне сигарету, — бесцветным голосом произнесла женщина.

Равик выпрямился и показал пачку:

— Алжирские. Черный табак. Его курят солдаты Иностранного легиона. Пожалуй, для вас слишком крепок. Других нет.

Женщина покачала головой и взяла сигарету. Равик поднес ей горящую спичку. Она сделала несколько глубоких затяжек. Равик бросил спичку через парапет.словно маленькая падающая звезда, спичка пролетела сквозь тьму и погасла, достигнув воды.

На мост медленно въехало такси. Шофер остановил машину, посмотрел на них, немного выждал и двинулся дальше, вверх по мокрой, поблескивающей в темноте авеню Георга Пятого.

Внезапно Равик почувствовал, как сильно он устал. Весь день напролет он работал и, придя домой, не мог уснуть. Тогда он вышел на улицу — хотелось выпить. И

теперь, в промозглой сырости глубокой ночи, он чувствовал неодолимую усталость.

Равик посмотрел на женщину. Почему, собственно, он ее остановил? С ней что-то стряслось, это было ясно. Но ему-то какое дело? Мало ли он встречал женщин, с которыми что-то случалось, особенно ночью, особенно в Париже. Сейчас это ему было безразлично, он хотел лишь одного — спать.

— Ступайте домой, — сказал Равик. — Что вам здесь делать в такое время? Еще, чего доброго, не оберетесь неприятностей.

Он поднял воротник, намереваясь уйти. Женщина смотрела на него непонимающими глазами.

— Домой? — повторила она.

Равик пожал плечами:

— Домой, к себе на квартиру, в отель — куда угодно. Неужели вам хочется попасть в полицию?

— В отель! О Боже! — проговорила женщина.

Равик остановился. Опять кому-то некуда идти, подумал он. Это следовало предвидеть. Всегда одно и то же. Ночью не знают, куда деваться, а утром исчезают прежде, чем успеешь проснуться. По утрам они почему-то знают, куда идти. Вечное дешёвое отчаяние — отчаяние ночной темноты. Приходит с темнотой и исчезает вместе с нею. Он бросил окурок. Да разве он сам не сыт всем этим по горло?

— Пойдемте куда-нибудь, выпьем рюмку водки, — сказал он.

Так проще всего — расплатиться и уйти, а там пусть сама позаботится о себе.

Женщина сделала неверное движение и споткнулась. Равик снова поддержал ее.

— Устали? — спросил он.

— Не знаю. Наверно.

— Настолько, что не можете спать?

Она кивнула.

— Это бывает. Пойдемте. Я провожу вас.

Они пошли вверх по авеню Марсо. Женщина тяжело опиралась на Равика — опиралась так, будто каждую минуту боялась упасть.

Они пересекли авеню Петра Сербского. За перекрестком улицы Шайо, вдали, на фоне дождливого неба возникла зыбкая и темная громада Триумфальной арки.

Равик указал на освещенный узкий вход, ведущий в маленький погребок:

— Сюда... Тут что-нибудь да найдется.

Это был шоферский кабачок. За столиком сидело несколько шоферов такси и две проститутки. Шоферы играли в карты. Проститутки пили абсент. Они смерили женщину быстрым взглядом и равнодушно отвернулись. Одна, постарше, громко зевнула, другая принялась лениво подкрашивать губы. В глубине зала совсем еще юный кельнер, с лицом обозленной крысы, посыпал опилками каменные плитки и подметал пол. Равик выбрал столик у входа. Так было удобнее: скорее удастся уйти. Он даже не снял пальто.

— Что будете пить? — спросил он.

— Не знаю. Все равно.

— Два кальвадоса, — сказал Равик кельнеру в жилетке и рубашке с засученными рукавами. — И пачку сигарет «Честерфилд».

— У нас только французские.

— Что ж. Тогда пачку «Лоран», зеленых.

— Зеленых нет. Только синие.

Равик разглядывал руку кельнера, на ней была вытатуирована голая женщина, шагающая по облакам. Перехватив его взгляд, кельнер сжал кулак и напряг мускулы. Женщина непристойно задвигала животом.

— Значит, синие, — сказал Равик.

Кельнер ослабил.

— Может, еще найдется пачка зеленых. — И удалился, шаркая туфлями.

Равик посмотрел ему вслед.

— Красные шлепанцы, — проговорил он, — и красотка, исполняющая танец живота! Похоже, он служил в турецком флоте.

Женщина положила руки на стол. Казалось, ей больше никогда их не поднять. Руки были хо-

ленные, но это еще ни о чем не говорило. Впрочем, не такие уж они были холеные. Равик заметил, что ноготь на среднем пальце правой руки, по-видимому, надломился и был оторван, не подпилен. Лак местами сошел.

Кельнер принес рюмки и пачку сигарет.

— «Лоран», зеленые. Все-таки нашлась одна пачка.

— Так я и думал. Вы служили на флоте?

— Нет. В цирке.

— Еще лучше. — Равик подал женщине рюмку. — Вот, выпейте. Ночью кальвадос — самое подходящее. А может, хотите кофе?

— Нет.

— Выпейте залпом.

Женщина кивнула и выпила. Равик разглядывал ее. Потухшее лицо, блеклое и почти без всякого выражения. Полные, но бледные губы, их очертания словно стерлись, и только волосы естественно-золотистого цвета были очень хороши. Она носила берет. А из-под плаща виднелся синий английский костюм, сшитый у хорошего портного. Но зеленый камень в перстне был слишком велик, чтобы не быть фальшивым.

— Еще рюмку? — спросил Равик.

Женщина кивнула.

Он подозвал кельнера.

— Еще два кальвадоса. Только рюмки побольше.

— И налить побольше?

— Да.

— Значит, два двойных кальвадоса.

— Угадали.

Равик решил быстро выпить свою рюмку и уйти. Ему было скучно, и он очень устал. Вообще же он умел терпеливо переносить превратности судьбы: за плечами сорок лет беспокойной и переменчивой жизни. Ситуации вроде этой были ему не в новинку. Он жил в Париже несколько лет, страдал бессонницей и ночами часто бродил по городу — поневоле приходилось видеть всякое.

Кельнер принес заказанное. Равик осторожно поставил перед женщиной рюмку яблочной водки, пряной и ароматной.

— Выпейте еще. Толку, конечно, будет мало, зато согревает. И что бы с вами ни случилось — ничего не принимайте близко к сердцу. Немногое на свете долго бывает важным.

Женщина подняла на него глаза, но к рюмке не прикоснулась.

— Нет, это и в самом деле так, — сказал Равик. — Особенно если дело происходит ночью. Ночь многое усложняет.

Женщина по-прежнему смотрела на него.

— Незачем меня утешать, — наконец проговорила она.

— Тем лучше.

Равик поискал глазами кельнера. Хватит. Ему это надоело, он хорошо знал таких женщин. Вероятно, из русских эмигрантов, подумал он.

Стоит им где-нибудь пристроиться и слегка захмелеть, как сразу же переходят на категорический тон.

— Вы русская?

— Нет.

Равик расплатился и встал, собираясь проститься. Сразу же встала и женщина. Она сделала это молча, как нечто само собой разумеющееся. Равик нерешительно взглянул на нее. Ладно, подумал он. Проститься можно и на улице.

Начался дождь. У входа Равик остановился.

— Вам куда?

Он решил, что пойдет в противоположном направлении.

— Не знаю. Куда-нибудь.

— Где вы живете?

Женщина вздрогнула.

— Туда я пойти не могу. Нет! Не могу! Только не туда!

В ее глазах внезапно появилось выражение дикого страха. Ссора, подумал Равик. Разругалась с мужем и убежала из дому. Завтра днем одумается и вернется.

— Разве вам не к кому пойти? К какой-нибудь знакомой? Отсюда можно позвонить.

— Но ведь надо же где-то переночевать. Нет денег на отель?

— Есть.

— Так пойдите в любой отель. Их тут много.

Женщина молчала.

— И все-таки где-то вам надо переночевать, — сказал Равик, теряя терпение. — Нельзя же оставаться на улице, под дождем.

Женщина застегнула плащ.

— Вы правы, — сказала она, словно наконец решилась на что-то. — Вы совершенно правы. Спасибо. Больше обо мне не беспокойтесь. Где-нибудь устроюсь. Спасибо. — Она зажала в кулаке углы воротника. — Спасибо за все.

Женщина исподлобья смотрела на Равика глазами, полными муки, тщетно силясь улыбнуться; затем, торопливо и неслышно ступая, ушла в дождь и туман.

С минуту Равик не двигался с места.

— Черт возьми, — растерянно и нерешительно пробормотал он.

Равик не понимал, как и почему так получилось, — горестная ли улыбка, взгляд, или пустынная улица, или ночь... Но он понимал, что нельзя так вот просто отпустить эту женщину; там, в тумане, она вдруг показалась ему заблудившимся ребенком.

Равик догнал ее.

— Пойдемте со мной, — сухо сказал он. — Что-нибудь придумаем.

Они вышли на площадь Этуаль. Она раскинулась перед ними в струящейся серой мгле, величественная и бесконечная. Туман сгустился, и улиц, лучами расходившихся во все стороны, не было видно. Видна была только огромная площадь с висящими тут и там тусклыми лунами фонарей и каменным сводом Триумфальной арки, огромной, терявшей в тумане; она словно подпирала унылое небо и защищала собой сиротливое бледное пламя на могиле Неизвестного солдата, похожей на последнюю могилу человечества, затерянную в ночи и одиночестве.

Они пересекли площадь. Равик шел быстро. Он слишком устал, чтобы думать. Рядом с собой он слышал неуверенные и громкие шаги женщины, она шла молча, понурившись, засунув руки в карманы плаща, — маленький огонек чужой жизни. И вдруг в позднем безлюдье площади она на какой-то миг показалась ему странно близкой, хотя он ничего о ней не знал или, быть может, именно потому. Она была ему чужой. Впрочем, и он чувствовал себя везде чужим, и это странным образом сблизало — больше, чем все слова и притупляющая чувства долголетняя привычка.

Равик жил в небольшом отеле в переулке за площадью Терн, неподалеку от авеню Ваграм. Это было довольно обветшалое здание. Новой была только вывеска над входом — «Отель "Энтернасьональ"».

Равик нажал кнопку звонка.

— Есть свободный номер? — спросил он парня, открывшего дверь.

Тот вытаращил заспанные глаза.

— Портье нет на месте, — наконец проговорил он, запинаясь.

— Это я и сам вижу. Я спрашиваю, нет ли свободного номера.

Парень недоуменно пожал плечами. Он видел, что Равик пришел с женщиной, но не понимал, зачем ему понадобилась еще одна комната. Насколько ему было известно, в подобных случаях достаточно одной.

— Мадам спит. Если я разбужу ее, она меня выгонит, — сказал он и почесал одной ногой другую.

— Ладно. Придется посмотреть самому.

Равик дал парню на чай, взял свой ключ и стал подниматься по лестнице. Женщина шла за ним. Прежде чем открыть свой номер, он взглянул на соседнюю дверь. Обуви перед ней не было. Равик дважды постучал. Никто не откликнулся. Он осторожно нажал на ручку — дверь оказалась на замке.

— Еще вчера эта комната пустовала, — пробормотал он. — Попробуем проникнуть с другой

стороны. Хозяйка заперла, наверно, боится, как бы не разбежались клопы.

Равик открыл свою комнату.

— Присядьте. — Он указал на красный диван. — Я сейчас.

Он отворил застекленную дверь, ведущую на узкий балкон, перелез через железную решетку на соседний и попытался открыть дверь. Однако она была заперта. Разочарованный, он вернулся в комнату.

— Ничего не выходит. Раздобыть номер не удалось.

Женщина сидела в уголке дивана.

— Можно мне еще немного побыть здесь?

Равик внимательно посмотрел на нее. Ее лицо словно распалось от усталости. Казалось, ей не подняться с места.

— Можете остаться, — сказал он.

— Только на минутку.

— Можете даже тут переночевать. Это самое простое.

Женщина будто не слушала его. Она медленно, почти машинально покачала головой.

— Оставили бы меня на улице. А теперь... мне кажется, теперь я не смогу...

— И мне так кажется. Оставайтесь и ложитесь спать. Это самое лучшее. А завтра посмотрим.

Женщина взглянула на него.

— Мне бы не хотелось...

— Господи, — сказал Равик. — Да вы ничуть меня не стесните! Сколько раз тут уже ночевали люди, не знавшие, куда им деваться. В этом отеле живут беженцы. Ночные пришельцы здесь никого не удивляют. Ложитесь на кровать. Я устроюсь на диване. Мне не привыкать.

— Нет, нет... я просто посижу. Если только вы разрешите, мне этого вполне достаточно.

— Ну, как хотите.

Равик снял пальто и повесил на вешалку. Потом взял с кровати одеяло с подушкой и придвинул к дивану стул. Он принес из ванной купальный халат и бросил на спинку стула.

— Вот, — сказал он, — все это вам. Могу еще предложить пижаму — она в комод. Больше я вами не занимаюсь. Если хотите — примите ванну. А мне еще надо кое-что сделать.

Женщина покачала головой.

Равик остановился перед ней.

— А плащ все-таки снимем, — сказал он. — Насквозь промок. Да и берет тоже. Дайте-ка сюда.

Она отдала ему плащ и берет. Он положил подушку на валик дивана.

— Это под голову. Стул — чтобы не свалились во сне. — Равик придвинул стул вплотную к дивану. — А теперь еще туфли... Уж конечно, тоже промокли. Того и гляди, простудитесь. — Он снял с нее туфли, достал из комода пару шерстяных носков и надел ей на ноги. — Так, теперь еще куда ни шло. Даже в самые тяжелые времена надо хоть немного думать о комфорте. Старое солдатское правило.

— Спасибо, — сказала женщина. — Большое спасибо.

Равик прошел в ванную и открыл краны. Вода полилась в умывальник. Он развязал галстук и рассеянно оглядел себя в зеркале. Проницательные, глубоко посаженные глаза; узкое лицо — оно выглядело бы смертельно усталым, если бы не эти глаза; резкие складки, прочерченные от носа к уголкам рта, и неожиданно мягкий рисунок губ, а над правым глазом — длинный, в мелких рубчиках шрам, теряющийся в волосах.

Телефонный звонок всполошил его.

— Черт возьми! — Он и вправду обо всем позабыл. С ним это случалось — полное погружение в собственные мысли. А тут еще эта женщина. — Иду! — крикнул Равик. — Испугались?

Он снял трубку.

— Что?.. Да. Хорошо... да... конечно... да... все будет в порядке... да. Где? Хорошо, сейчас же еду. Горячего кофе, и покрепче... да...

Он осторожно положил трубку и, задумавшись, присел на край дивана.

Женщина тотчас поднялась. Она слегка качнулась и ухватилась за спинку стула.

— Нет, нет... — Равика тронула эта покорная готовность. — Оставайтесь здесь. Я должен уйти на час-другой, не знаю точно на сколько. Непременно оставайтесь.

Он надел пальто. На какой-то миг мелькнуло подозрение, но Равик его тотчас же отогнал. Эта женщина не станет воровать. Не из тех. Таких он знал слишком хорошо. Да здесь и украсть-то нечего.

Равик был уже в дверях, когда женщина спросила:

— Можно мне пойти с вами?

— Нет, никак нельзя. Побудьте здесь. Берите все, что понадобится. Если хотите, ложитесь в постель. Коньяк в шкафу. Спите...

Он повернулся.

— Не выключайте свет, — торопливо проговорила она.

Равик отпустил дверную ручку.

— Боитесь? — спросил он.

Она кивнула.

Он показал на ключ:

— Заприте за мной дверь. Ключ выньте. Внизу есть запасной.

Она покачала головой:

— Не в этом дело. Только, пожалуйста, оставьте свет.

— Ах вот оно что! — Равик испытующе посмотрел на нее. — Да я и не собирался его выключать. Пусть горит. Мне это знакомо. Было и у меня такое время.

На углу улицы Акаций ему попалось такси.

— Улица Лористон, четырнадцать. Скорее!

Шофер развернулся и поехал по авеню Карно. Когда они пересекали авеню де ля Гранд Арме, справа выскочила маленькая двухместная машина. Столкновение было бы неизбежным, не будь мостовая мокрой и скользкой. Резко затормозившую малолитражку занесло на середину улицы. Такси едва не задело ее радиатором. Легкий автомобиль закружился, как карусель. Это был маленький «рено», за рулем сидел мужчина в очках и черном котелке. При каждом повороте мелькало его блед-

ное возмущенное лицо. Наконец машина перестала вертеться и устремилась в направлении Триумфальной арки, высившейся вдалеке подобно гигантским вратам Аида; «рено» напоминал маленькое зеленое насекомое; из него высовывался бледный кулак, грозивший ночному небу.

Шофер обернулся.

— Видели что-либо подобное?

— Да, — ответил Равик.

— Какого черта этот тип в котелке несется ночью как угорелый? Главное дело — котелок напялил!

— Он прав. Ведь он ехал по главной магистрали. Зачем же ругаться?

— Ясно, прав. Потому-то я и ругаюсь.

— А что бы вы сделали, если бы он в самом деле был не прав?

— Тоже ругался бы.

— Вижу, вы не прочь отвести душу.

— Но тогда бы я ругался по-другому, — заявил шофер, сворачивая на авеню Фош. — С большей уверенностью. Понятно?

— Не совсем. Сбавляйте скорость на перекрестках.

— А я что делаю? Мостовые как маслом смазаны, будь они неладны! А зачем вы, собственно, спрашиваете, если все равно не хотите меня слушать?

— Потому что я очень устал, — нетерпеливо проговорил Равик. — Потому что сейчас ночь. Потому что, если хотите знать, все мы словно искорки, гонимые неведомым ветром. Езжайте быстрее.

— Вот это другое дело, — заметил шофер и с некоторым почтением коснулся пальцами козырька фуражки. — Теперь все понятно.

У Равика неожиданно мелькнуло подозрение.

— Послушайте, вы русский эмигрант?

— Нет, но в ожидании пассажиров читаю всякую всячину.

Не везет мне сегодня с русскими, подумал Равик. Он откинулся на спинку сиденья. Хорошо бы кофе,

тит. Руки должны быть дьявольски спокойными. В крайнем случае Вебер сделает мне укол. Впрочем, все и так будет в порядке. Он опустил стекло и медленно вдохнул сырой воздух.

II

В маленькой операционной было светло как днем. Комната походила на образцовую бойню. На полу стояли ведра с ватой, пропитанной кровью, вокруг были разбросаны бинты и тампоны, багрово-красный цвет торжественно и громогласно бросал вызов безмолвной белизне. Вебер сидел в предоперационной за лакированным стальным столиком и что-то записывал; сестра кипятила инструменты; вода клокотала, электрический свет, казалось, шипел, и лишь тело, лежавшее на столе, было ко всему безучастным — его уже ничто не трогало.

Равик принялся мыть руки жидким мылом. Он мыл их с каким-то угрюмым остервенением, будто хотел содрать с них кожу.

— Дерьмо! — пробормотал он. — Гнусное, проклятое дерьмо!

Операционная сестра с отвращением посмотрела на него. Вебер поднял голову.

— Спокойно, Эжени! Все хирурги ругаются. Особенно если что-нибудь не так. Вам пора бы к этому привыкнуть.

Сестра бросила инструменты в кипящую воду.

— Профессор Перье никогда не ругался, — оскорбленно заявила она. — И тем не менее спас многих людей.

— Профессор Перье был специалистом по мозговым операциям. Тончайшая, виртуозная техника, Эжени. А мы потрошим животы. Совсем другое дело. — Вебер хлопнул тетрадь с записями и встал. — Вы хорошо поработали, Равик. Но что поделаешь, коли до тебя орудовал коновал?